

Владимир Острин

СОЛНЦЕ ТАРТАРИИ

Повесть

Владимир Острин
Солнце Тартарии. Повесть

«Издательские решения»

Острин В.

Солнце Тартарии. Повесть / В. Острин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963463-4

Затерявшаяся на бескрайних равнинах, Тартария покрыта зарослями борщевика, обступившими редкие города, и горами зловонных свалок. Среди ядовитых растений обитают загадочные борщевисты, с которыми неустанно борются тартарские власти. Но даже в Тартарии находятся люди, в которых жива тяга к вечному и прекрасному. В антиутопической повести на стыке киберпанка и магического реализма читатель найдет язвительную иронию и сатиру, а также проблемы современности в крайней, доведенной до абсурда форме.

ISBN 978-5-44-963463-4

© Острин В.
© Издательские решения

Солнце Тартарии

Повесть

Владимир Острин

© Владимир Острин, 2019

ISBN 978-5-4496-3463-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Над Тартарией не восходит солнце. Не видят жители Тартарии и луны. Из-за дыма от бесчисленных пожаров здесь не видно даже горизонта. Но народ не сетует на такое положение дел – он давно привык и попросту мирится с неизбежным. Летом местные носят легкие рубашки, зимой – кутаются в теплые тулупы и повязывает на шею тугие шарфы, но когда бы и куда бы ни выходили они из дому, никогда не забывают надеть хороший респиратор. И давно уже не пытаются отличить, что падает с неба – снег или пепел.

Окраины Тартарии пестры и многолики, но центральная часть – особенно это касается местных пейзажей – столь статична и монотонна, что некоторые иностранцы теряются в здешних местах и годами блуждают между одинаковыми городами не в силах определить свое истинное местоположение. Некоторые пропадают навеки. Здесь нет лесов и гор, степей и лугов – лишь бело-зеленое море борщевика, простирающееся на многие сотни километров, ядовитыми волнами колышется от горизонта до горизонта. А в этом море – то змеей тянущаяся речушка, то острова левиафанских помоек, то серый город, связанный с другими такими же городами вновь и вновь зарастающей трассой.

Причем борщевик в Тартарии не простой, а особенный. Когда-то выведенный недалеко-видными селекционерами на корм скоту, он вырвался из тесных загонов цивилизации, и принялся исподволь заселять местные просторы. Страшная внутривидовая конкуренция помножилась на химические раздражители от свалок, уже тогда в обилии разбросанных по стране. Так стебли стали еще толще, листья еще шире, сок еще ядовитее, а страшные ожоги от него еще опаснее. Говорят, некоторые экземпляры, достигают десяти метров в высоту. А распространяться борщевик стал еще быстрее и на новых землях укоренялся так крепко, как никогда ранее.

В общем, когда спохватились, было как всегда поздно. Международные организации помогать в решении проблемы отказывались – не напрямую, конечно, а произнося непонятную мантру, сплошь состоящую из экономических и ботанических терминов – и ограничились контролем сорняка у границ Тартарии. К тому же зарубежные активисты развернули масштабную кампанию в защиту прав растений, и как-то раз даже закидали тартарское посольство семенами борщевика.

Вдобавок в государстве грянул экономический кризис. Природные ресурсы, которые Тартария экспортировала за границу, обеспечивая тем самым сравнительно безбедное существование для некоторой части населения стали мало кому нужны – мировая энергетика перешла на новый уровень и потребности тоже изменились. Если никель и алюминий у Тартарии еще худо-бедно покупали, то нефть и газ вежливо предложили оставить себе. Растерянные элиты во главе с непревзойденным и мужественным кормчим, почти исчерпав возможности своего стратегического планирования, все же нашли выход.

Часть территорий продав партнерам, – ради легальности сделок пришлось откопать в пыльных архивах договоры вековой давности – правительство предложило использовать неохватные просторы для утилизации мусора. И со всех частей света потекли в Тартарию

поезда, баржи и фуры, нагруженные бытовыми отходами, устаревшей электроникой, различными химикатами и продуктами деятельности атомных электростанций. По всему государству росли огромные циклопические свалки, настолько токсичные, что даже борщевнику не удавалось их колонизировать. И тянулись к помойкам бесчисленные караваны наполненных доверху самосвалов. Так воплотилась давняя мечта кормчего о единении на необъятных просторах Тартарии Востока и Запада, и с тех пор пост верховного правителя государства стал именоваться не иначе, как лордхан.

Разумеется, столь радикальные реформы не могли не отразиться на политической жизни. Едва народ узнал о новом положении дел, как начались бунты, демонстрации, стычки с полицией, строительство баррикад. В некоторые города даже пришлось вводить танки. Но вожаки протеста, к сожалению, были людьми безвольными и трусливыми и не смогли бы взять власть, даже если бы та сама упала в их потные и липкие от страха руки. Восстание не закончилось ничем и через пару месяцев люди разбрелись по домам. Лордхан, издавна славившийся восточным коварством, пообещал всем бунтовщикам прощение и отпустил их с миром. Даже сказал что-то сочувствующее. Дескать, сами понимаете, мы сделали, что могли, сами тут волосы на голове рвем, сил уж никаких нет.

Но едва волнения утихли, жестокое сердце правителя окрепло, и он без толики милосердия покарал всех, кто посмел бросить ему вызов. Первыми схватили организаторов. Показной суд транслировался на всю страну. Для большего эффекта в стулья обвиняемым вмонтировали электроды. Проходило действо примерно так.

– Признаете свою вину, обвиняемый? – задавала вопрос судья в строгой черной мантии и грозно сверкала глазами.

– Нет.

– А теперь? – она нажимала кнопку под столом, и человека ударял разряд тока.

– Не признаю! На помощь!

– А сейчас? – разряд еще большей силы бил беспомощного человека.

– Признаю, только перестаньте.

– Виновен! Следующий.

Суд приговорил всех зачинщиков к смерти, но лордхан – вновь проявилось его восточное коварство – неожиданно объявил о помиловании. Ссылаясь попеременно то на права человека, то на христианское милосердие, он заменил казнь выдворением из города. К слову надо сказать, что заросли борщевика к тому моменту уже не просто подступили, но даже окружили большую часть тартарских городов и только тонны химикатов, систематически распылявшиеся у городских стен – теперь на их производство работала добрая четверть населения – спасали города от безжалостного сорняка. Итак, хотя все знали, что означает изгнание, отныне никто не осмеливался сказать и слова поперек. Толпа покорно аплодировала мудрости и милосердию вождя и всеми силами выражала энтузиазм. Вождь благодарно улыбался, а однажды и вовсе прослезился.

Скорбная участь зачинщиков вскоре постигла и прочих несогласных. Благо, умные видеокамеры еще во время протестов устанавливали личности подавляющего большинства бунтовщиков, так что уполномоченные сотрудники загодя составили проскрипционные списки. В конечном счете изгнание людей на борщевичные поля стало массовым и систематическим явлением. Многие возвращались к городским стенам и умоляли помочь, впустить их обратно, но в итоге умирали в жутких и страшных мучениях, не удостоенными даже ответа и все покрытые волдырями. Лордхан приказал не убирать мертвецов от стен – в назидание всем остальным. «И так будет до тех пор, пока не найдется Моисей, который раздвинет для вас борщевичные моря», – вновь и вновь шутили сотрудники спецслужб, отлавливая по переулкам и квартирам неблагонадежных граждан. Впрочем, сюда нередко попадали и те, кто просто не желал давать взятку. Отныне скупой платил не дважды, а единожды, но зато жизнью.

Так продолжалось несколько лет. И хотя Моисея не нашлось, зато некоторые изгои выжили и, пусть через страшные муки, – многих из них теперь преследовали жуткие головные боли и бессонница – но все же приспособились к новым условиям. Кожа их стала бледного, едва ли не молочного цвета, волосы почти пропали с туловища и разрослись – у мужчин, разумеется – на бороде. Цвет глаз стал более блеклым, и теперь в основной массе преобладал светло-зеленый, почти мятный оттенок. Борщевичным людям отныне не был страшен ядовитый сок – казалось, он наоборот стал излечивать их раны. Изгнанники связывали чудесные изменения с собственной праведностью и теперь поклонялись мифическому Царю-борщевнику. А оставшиеся в городах тартарцы поплакали обо всех, кто не вписался в новое общественное устройство, да и забыли, словно никогда таких и не было.

– Нам не дают жить, ну и не надо. Мы сами возьмем, – сказали борщевичные люди и плюнули на Тартарию.

Такая позиция не могла не разгневать власть. Слухи о попытках изгнанников построить собственный социум встретили целую бурю негодования. Даже потенциальной конкуренции небожители позволить не могли. В некотором смысле, для власть предержащих была страшна уже сама мысль о том, что где-то в Тартарии есть сила, способная организовать самостоятельно, не оглядываясь на бесчисленные указы сверху.

– Они хотят засадить борщевиком весь мир, а всех, кто в таком мире жить не захочет, выгнать в резервации, – заголосили идеологи на зарплате и принялись обличать зверства «коварных гуннов» и «бездушных варваров».

И даже лордхан прекратил изгонять людей в борщевичные поля, объявив такой метод негуманным. «Как-никак, там обитают кровожадные дикари» – прокомментировал он и вскоре получил международную Премию мира.

Поначалу борщевичные люди еще пытались возражать пропаганде, но все было бесполезно. Слова из их темных нор и сырых подземелий не шли дальше ядовитых зеленых полей и, по гамбургскому счету, никому, кроме самих несчастных, и не были нужны. «Впрочем, чем не политическая программа?» – подумали борщевичные люди наконец, устав от бесполезных споров с властью. – «Уж лучше такая программа, чем вообще никакой». Наверно, это – хотя, может, и что-то другое – и дало властям повод перейти Рубикон. Изгоев объявили «дикарями» и «нелюдями», покушающимися на конституционный строй Тартарии, и под покровом ночи по одному из известных убежищ был нанесен авиационный удар. Хотя истинные результаты бомбардировки проверять не стали, ограничившись никуда не годными аэрофотоснимками, лордхан, проникнувшийся чувством собственного величия, заявил об окончательной победе – реляции об окончательных победах вообще были его слабостью – над ордами врагов. Так, без ультиматумов и нот протеста, власти Тартарии объявили борщевичным людям жестокую войну, рассчитывая, по всей видимости, что изгои попросту разбегутся при первых звуках пальбы. Но этого не случилось, и конфликт перерос в затяжную борьбу, то затихающую, то вновь разгорающуюся, в которой ни одна из сторон не имела возможности получить решающий перевес.

Полыхали свалки, полыхали заросли, полыхали яростью сухие сердца бюрократов, и над бескрайними полями поднимались черные клубы токсичного дыма. С каждым годом все больше детей рождалось инвалидами. Среди жителей Тартарии распространялись болезни почек, легких и желудка. Из-за постоянных отравлений массовым стал иммунодефицит, который в итоге приводил к тому, что люди покрывались гнойниками и вообще мерли, как мухи. Но были у такого положения и положительные стороны. Так, на ежегодных пресс-конференциях лордхан регулярно отчитывался о росте рентабельности аптечного бизнеса. За столь мудрую экономическую политику главы международных фармакологических концернов выразили ему особую благодарность. Вскоре лидер получил вторую Премию мира, а внутри страны ему присвоили титул Легитимнейшего. Да и вообще, стоит признать, что с тех пор как Тартария

сделалась всемирной помойкой, отношения с другими странами у нее заметно улучшились. А местные пропагандисты удостоили соотечественников гордого звания «народа-мученика».

Быть может, когда-то в Тартарии и была иная жизнь, но к моменту описываемых событий о тех временах плохо помнили даже старики, а тем, кто смел вслух рассуждать о давно минувших днях, не верили и поднимали на смех. За самыми ретивыми приезжали серые люди на серых машинах и увозили в большие серые дома, из серых труб на крышах которых шел серый-пресерый дым. О дальнейшей судьбе несчастных почти ничего неизвестно, но жуткие слухи об их печальной участи имели столь широкое хождение среди простого люда, что даже имена тех, кто имел дерзость вспоминать, старались поскорее забыть. Впрочем, не всегда это происходило своевременно. Заботящиеся о статистике чиновники, – а именно от положительной статистики зависели размеры зарубежных инвестиций, на которых и держалась экономика Тартарии – нередко привозили на место без вести пропавших людей жителей сопредельных с Тартарией республик, нарекая вновь прибывших именами исчезнувших.

Порой это приводило к забавным казусам. Так, одна девушка, приехав навестить отца, с ужасом и изумлением обнаружила, что ее папаша не один человек, а сразу трое, изъясняться способен исключительно на каких-то южных языках, а репродукции передвижников, которые некогда рисовал на досуге, теперь использует вместо клеенки при поглощении вкусного и жирного плова. Так стоит ли удивляться, что некоторые «столетние» старики в Тартарии стали выглядеть на сорок, а то и на все тридцать лет, а работать за четверых? В связи с таким долголетием, свидетельствующим о необычайно высоком уровне жизни, высочайшим указом лордхана пенсии в Тартарии были упразднены. Оставлен сей архаичный институт был лишь для чиновничества, которое, как ни странно, не продемонстрировало общей тенденции к увеличению продолжительности жизни.

И все же, несмотря ни на что, жизнь продолжалась. В сорока километрах к северу от столицы, на Великом полночном пути, вновь прорубаемом каждую весну в зарослях борщевика, расположился провинциальный городишко Лжинск. В седой древности ямщицкая застава, а затем индустриальный моногород, теперь Лжинск с гордостью именовался местными властями «мусорной столицей» региона. На это и правда были основания – в редкие бездымные дни целые холмы отходов были видны даже из центра города. Они образовали вокруг города гряды в виде полукольца и даже были нанесены на карту, а военные теперь называли эти горы мусора естественным рубежом обороны.

Здесь, в Лжинке, и жил Серафим Серафимович Бородин, герой двух военных кампаний, – тогда они еще проводились за рубежом – потерявший на последней из них ступню, и затем списанный в утиль инвалидом. Иными словами, приговоренным к существованию на нищенское пособие, которого едва хватало на оплату коммунальных платежей. Впрочем, Бородин был совсем не прост. Иначе бы он здесь не выжил.

Подключив нескольких сослуживцев и пару столичных приятелей, Бородин соскреб все скромные свои накопления и провернул несколько успешных сделок, что позволило ему сколотить какой-никакой капитал. Невзирая на боевой опыт, Серафим Серафимович был человеком осторожным и без надобности в пекло не совался. Завязав с сомнительными авантюрами, в родном Лжинске он открыл небольшое производство по ручному пошиву обуви, где и стал трудиться с удвоенной силой. Конечно, были у отставного военного и свои недостатки – бытовая склочность и тяга к спиртному. Но Бородин и сам это признавал, быстро отходил, и обычно люди прощали его неуравновешенность, списывая все на перенесенные тяготы войны.

Годы шли, и хотя Бородин уже не бедствовал, но в жизни его становилось все меньше и меньше смысла. Семью он не завел, – так и не сошелся ни с кем из-за своего тяжелого характера – цели в жизни не видел, и только одно еще радовало глаз Серафима Серафимовича, когда с тяжелыми гирями на сердце он утром шел на работу.

На выезде из Лжинска возвышался старый заброшенный особняк, давно без стекол, обшарпанный и разваливающийся. Дом по-настоящему древний. Было видно, что в свое время он постоянно достраивался – каждый следующий хозяин добавлял что-то свое. Дотошный знаток архитектуры при желании смог бы различить колонны в духе классицизма, барочную лепнину, прямоугольные окна с висячей гирькой в типичном неорусском стиле и еще много чего. Были даже барельефы с пшеничными колосьями – когда-то особняком пользовалась одна массовая детская организация. Но для Бородин этот огромный старый дом был символом величия, мощи и страстной, манящей, хоть и не до конца понятной ему свободы. Через этот дом Бородин соприкасался с сакральным, с внеисторическим, с чем-то – а он не боялся этого слова – божественным. Почесывая уже седеющую бороду, Серафим Серафимович мечтал, как вернет особняку былую красоту и первозданную свежесть. И однажды, проснувшись морозным зимним утром и выглянув в окно на улицу, впервые за долгое время не затянутую дымом, Бородин понял, что пора. Потому что иначе жизнь его окажется прожитой зря.

Особняк пребывал в самом плачевном состоянии, и лишь одна подслеповатая бабка еще гоняла малолетних вандалов, все норотивших исписать стены здания бранью. Впрочем, больше, чем угроз подростки пугались ее вида и какого-то жуткого, хриплого голоса, а между собой называли ее старой горгульей. Вместе с этой бабкой и еще несколькими местными жителями, помогавшими по мере скромных своих сил, принялся Серафим Серафимович восстанавливать памятник архитектуры. И даже борщевик, уже начинавший пробиваться на приусадебном участке, смог вытравить, за что получил отдельную благодарность – пусть и чисто формальную – от лжинского муниципалитета.

На восстановление дома ушло без малого десять лет упорной работы – столько ахейцы брали Илион. Многочисленные вложения сильно пошатнули и почти разорили бизнес Бородин. Серафим Серафимович неоднократно переезжал в жилье подешевле и наконец продал квартиру в уютной пятиэтажке. Питался он и вовсе едва ли не водой и хлебом. Впрочем, к моменту продажи последней квартиры он уже мог перебраться в особняк и жить там в эдакой антикварной обстановке. Дело в том, что жители Лжинска и окрестных городков, слышав о реставрации особняка, с радостью отдавали Бородину старинные предметы быта, картины давно забытых героев и различную мебель. Неоднократно переписанное прошлое местные жители не любили и боялись. Так что темными ночами мужчина передвигался по коридорам с золоченым подсвечником, а скромный обед свой ел серебряными приборами из большой серебряной тарелки, украшенной мрачными эпизодами из скандинавского мифа о Дикой охоте.

Порой к дому приезжали местные чиновники с журналистами – снимать репортажи о развитии региона. «Мы создаем такие условия жизни, в которых тартарскому гражданину выгодно и легко трудиться. Посмотрите на этот прекрасный дом – его мы строили не в одиночку, а с помощью местных энтузиастов. И когда я гляжу на благодарные лица горожан, то понимаю, что жизнь проживаю не зря» – говорили буквоеды, нервно поглаживая второй подбородок, и уезжали в столицу получать медали. Ходили слухи, что бюрократам даже удалось пару раз получить деньги на реставрацию. Только никто, кроме них, этих денег не увидел. Бородину на весь маскарад было глубоко наплевать. Его не трогали – и слава Богу. К тому же он был уже немолод и понимал, как здесь все устроено. И потихоньку продолжал реставрационные работы.

Бабка, помогавшая Серафиму Серафимовичу, в край захворала и померла, завещав поставить в доме ее старое, черное от времени зеркало высотой с человеческий рост. «Зеркало это – моя совесть. Подойдешь, бывает, помотришь – стыдно али нет за прожитое? Вроде, нет» – прохрипела она, когда Бородин видел ее живой в последний раз. На похороны женщины пришел только он один и долго, в скорбной задумчивости наблюдал, как могильщики засыпают комьями промерзшей насквозь земли дешевый пластиковый гроб.

Меж тем, и над головой Бородина начали сгущаться тучи. От знакомых он услышал, что восстановленным особняком заинтересовалась местная чиновница Галина Андреевна Чайкина, не так давно ставшая главой Лжинска и прилегающих территорий. Это была женщина сорока лет со светлыми крашеными волосами, хитрым круглым лицом, издевательским прищуром и длинным послужным списком. Разумеется, все бюрократические проволочки вокруг особняка реставратору уладить не удалось и Серафим Серафимович до сих пор жил в деревянном флигеле полулегально. Что называется, на птичьих правах. И все же просто так его выгнать из дома не смогли: Бородин зарегистрировал флигель как свое единственное жилье и законы Тартарии – а лордхан кичился тем, что его государство было социальным – не позволяли выселить жильца.

Поначалу Галина Андреевна действовала мягко – предложила реставратору переезд в ветхую пятиэтажку неподалеку, в сырую крошечную малосемейку. «Там перебои с отоплением, но в бездымные дни вы даже будете видеть наш особняк в окно!» – аргументировала она без задней мысли. Прожженной интриганке даже в голову не приходило, что кто-то может заниматься делом бескорыстно, руководствуясь исключительно любовью к Красоте и причастностью к чему-то вечному. Галина Андреевна была человеком рациональным и верила, что Бородин просто скрыл свою выгоду, а когда тот наотрез отказался от переезда, захлопнув перед ее посланником дверь, укрепила в этой мысли окончательно.

Опытная чиновница Чайкина знала, насколько бумажки важнее реальных дел и свои фланги тщательно прикрывала. План отъема особняка был хорошо продуман. «Как чайки кружатся над помойками, так Чайкина кружится над особняком» – даже иронизировал кто-то из ее подчиненных. Серафима Серафимовича было решено задавить политически. Неформальным поводом стало отсутствие в доме техники, при помощи которой можно было следить за его обитателями. После войны Бородин и правда предпочитал книги пошлым и пустым видеороликам и уже тогда отказался от разного рода очков дополненной реальности. Огромную часть бытовой техники он продал, занимаясь реставрацией, и с тех пор жил крайне аскетично. Все это дало властям повод предположить, что мужчина прячется от всевидящего ока, чтобы заниматься подрывной деятельностью. Итак, дыба репрессивного аппарата заработала.

Бородин ел пареную репу со свой украшенной скандинавскими мотивами тарелки и слушал карельскую сюиту Сибелиуса, когда в комнату без стука вошли серые люди. Незваных гостей было пятеро: лейтенант, сержант и трое рядовых. Не представляясь, старший по званию произнес:

– Гражданин Бородин, вы подозреваетесь в незаконной деятельности. Сейчас здесь будет проведен обыск.

– Ордер на обыск при вас? – только и спросил Серафим Серафимович и выронил вилку.

– Вот, – сержант полез в карман, но вместо документа предъявил ошеломленному Бородину кукиш.

Минут пятнадцать серые люди перерывали флигель, – в других частях дома искать поленились – пока находчивый лейтенант не обратил внимания на необычные узоры, выведенные на серебряной посуде.

– Богато живете. Серебро, особняк, – произнес он как бы невзначай. – А что это у вас такое интересное на тарелке нарисовано?

– Сцены из древнескандинавской мифологии, – ответил Серафим Серафимович просто душно. – По всей видимости, из легенды о Диком Гоне.

– А знаете ли вы, гражданин Бородин, что у борщевистов тоже есть похожий миф? Якобы над Тартарией взойдет однажды солнце, пробьются лучи через клубы дыма, и начнется тогда Дикий Гон и погонят дикари легитимную тартарскую власть аж до самой границы! Но перед тем они должны устроить кровавое жертвоприношение по мистическим борщевистским обрядам. Не хотите дать объяснения в участке?

– Но позвольте, лейтенант! Какое отношение имеет к этому мифическая охота Одина, выдуманная древними германцами?

– А в этом будут разбираться компетентные специалисты!

– Тут явно пахнет разжиганием социальной вражды в отношении социальной группы тартарского чиновничества, – подхватил понятливый сержант и цокнул языком. – И неподчинением законным представителям власти!

– А ну-ка, пройдемте с нами, гражданин, – произнес довольный лейтенант.

Несмотря на инвалидность, Бородин оставался сильным мужиком и просто так даваться не собирался. Так что серым людям пришлось накинуться на него всем скопом, чтобы повалить, скрутить и потащить прочь. Гладковыбритый лейтенант даже держал Бородина за бороду – шибко сердила она этого человека, для которого устав был чем-то вроде священного текста. Серафим Серафимович быстро понял, что дело дрянь и настоящее его преступление отнюдь не в тарелке с орнаментом. В последний раз он взбрыкнул, когда его уже повели на выход, и упал, принявшись сучить ногами. Случилось единственное, что могло произойти в такой ситуации. Итак, случилось чудо. Но не доброе, красивое, рождественское, а мрачное, пугающее и зловещее. Чудо, от которого за версту несло хтоническими безднами.

Серафим Серафимович Бородин начал вращаться в стену. Сопротивляясь обидчикам, он ударился ногами об участок серого, непокрытого еще ни обоями, ни штукатуркой бетонного блока и попросту ушел туда по колено, словно то было не твердое тело, а некая неизвестная жидкость. Обратно вытащить увязшие конечности не удавалось. Поначалу опричники испугались и отпрянули. Но лейтенант не растерялся и опытным путем установил, что заколдованная стена равнодушна как к неодушевленным предметам, так и к его подчиненным. Только Бородин ей приглянулся. Впрочем, заглотив часть ног, стена словно насытилась и принимать в себя оставшуюся снаружи часть тела еще не была готова.

Дубоголовый сержант предложил отпилить несчастному ноги, но его более сообразительный начальник сразу откинул столь гнусную и недалновидную идею. Вместо этого он позвонил Чайкиной и доложил о случившемся. Сначала та не верила и даже обрушилась с волной негодования, но когда лейтенант отправил ей видеофакты, успокоилась и велела наблюдать динамику. Впрочем, вечером сама приехала проведать подчиненных, но, увидев все своими глазами, тут же исчезла, не желая больше воочию наблюдать трагедию. А динамика показывала, что каждый день тело Бородина погружается в стену на расстояние от четырех до девяти миллиметров. Так что Чайкина решила подождать.

Сперва Серафим Серафимович даже обрадовался случившемуся: от него отстали серые люди, и появилась возможность поразмыслить над своим положением. Но чем глубже его затягивало в стену, тем мрачнее делались думы, но никакого четкого плана действий в голову не приходило.

В рамках помощи то ли беженцам, то ли переселенцам, а скорее всего по протекции кого-то из знакомых, в дом заселили семью, какое-то время назад переехавшую в Тартарию из какой-то то ли братской, то ли панибратской республики. Семейство состояло из четырех человек: матери и трех сыновей. Ильназ, мать, толстая женщина с мозолями на руках и распухшими икрами, ходила в экзотическом костюме, какие носят где-то на юге и выглядела как человек, которого удивляет все, что происходит вокруг. На лице ее словно застыла какая-то оторопь, которая рассеивалась лишь во сне и за едой. К миру Ильназ относилась осторожно, если не с опаской, и когда увидела вросшего в стену Бородина, смотрела на него долго, молча, с тупым страхом. Она так и не смогла вписать это феномен в свою картину мира, а потому страдалец стал для нее как бы частью стены – теперь она его просто не замечала. Старший сын, Ильшат, шестнадцати лет отроду, спортсмен и переросток с избытком тестостерона, брившийся едва ли не дважды в день, оказался известным любителем демонстрировать окружающим свою удаль. Средний, Галымжан, на год младше, сутулый и скромный, даже немного

забитый, человек комнаты. А самого младшего, двенадцатилетнего, звали Замам – он унаследовал удивленно-непонимающее выражение лица матери и во всем равнялся на Ильшата. Отец семейства, дальнбойщик, погиб несколько лет назад в несчастном случае на дороге.

Как оказалось, семья теперь должна была следить за порядком в доме: мыть полы, протирать мебель, облагораживать территорию и делать небольшой ремонт. Заниматься этим стали по преимуществу мать и средний сын. Ильшат целыми днями пропадал со своими новыми друзьями, а Замам был еще мал и вообще не всегда хорошо соображал.

Впрочем, на фоне остальных проблем вселение неизвестных людей мало заботило Бородин. Он судорожно искал выход из сложившейся ситуации. «Не может быть так, чтобы у нас не было технологий, способных меня выволить» – справедливо подумал мужчина и принялся писать во все доступные инстанции. Через знакомых, еще не отвернувшихся от него, он отправлял бумажные заявления в различные союзы ветеранов, общества помощи инвалидам, благотворительные организации, и дублировал свои просьбы в электронном виде. Бородин пытался достучаться до официальной власти в обход Чайкиной, но, в конечном счете, его жалобы с пометкой «разобраться местным властям» вновь попадали к ней, как главе Лжинска. В итоге Серафим Серафимович получал лишь бесконечные отписки и отказы. Самыми кощунственными были ответы от администрации Лжинска: то они писали, что мужчина пишет не на то имя, то требовали от него анализ материала стены, то заявляли, что помощь Бородину не предусмотрена конституцией Тартарии. Знакомых его и вовсе хорошенько припугнули, так что мужчина потерял последний источник помощи.

Как-то раз к Серафиму Серафимовичу все же пришел человек, занятый защитой граждан. Он был среднего роста, в прямоугольных очках и вельветовом пиджаке, с небольшой щетиной и вывалившимся вперед животиком.

– Добрый день, – прогнусавил человек, напустив на себя важный вид. – Меня зовут Эдуард Клецка. Я – правозащитник.

– Здравствуйте! – воскликнул Бородин обнадеженный. – Вы даже представить не можете, как долго я вас ждал!

– Очень приятно мне ваше радушие, но подскажите, где здесь живет мать с тремя сыновьями?

– В западном крыле, насколько я знаю. А мне как-то помочь можете?

– Понимаете ли, это не в моей компетенции. Я отдаю предпочтение правам меньшинств, а застрявшие в стене люди в круг моих интересов не входят.

– И что же вы хотите от этой семьи?

– Ну как же? Что за странные вопросы? Узнать, как к ним относится местное население. Не притесняет ли, не оскорбляет ли кто по этническому признаку. Сами понимаете, народ у нас не очень цивилизованный. А вы, значит, вырастаете?

– Как видите.

– Ну, ничего, не переживайте. Все там будем, – и Клецка ушел, а Бородин плюнул ему в спину.

Основным развлечением Бородина стало общение с Галымжаном – мальчишка был смысленный и по меркам подростка много читал. Отставной военный рассказывал подростку про Ликурга и Шарлеманя и даже посоветовал несколько книг для общего развития. Из благодарности Галымжан делился с мужчиной едой и приносил из библиотеки книги. Иногда жаловался на старшего брата, вечно норовившего побить или унижить подростка и запрещающего читать ту или иную литературу. Выслушав, Серафим Серафимович старался убедить юношу прекратить жалеть себя и научиться, наконец, давать отпор обидчику. К несчастью, безрезультатно.

Ильшат же, если и заходил к Бородину, то смотрел на него с презрением и попрекал даже тем, что Серафим Серафимович ест с их стола. Впрочем, близко подходить к мужчине

не решался – боялся отставного военного – и говорил с ним с почтительного расстояния. Оттуда, где был уверен в собственной безопасности. Это не мешало Ильшату выставлять себя героем и рассказывать, как в школе – ее, надо отметить, он прогуливал безбожно – побивает всех. «Захожу, все сторонятся, глаза в пол прячут» – говорил. А однажды дохвастался до того, что разболтал свою главную тайну:

- У меня есть схрон в подвале. Я туда ношу все, что может мне пригодиться.
- Для чего?
- Для войны со всеми вами. С такими, как ты.
- Ты к борщевистам примкнул, что ли?

В ответ на это Ильшат только рассмеялся, а через несколько дней мимоходом обмолвился, что борщевичных людей считает за таких же животных, как и Бородина. А меж тем Серафим Серафимович продолжал вращаться в стену и врос по самую грудь. В возможность что-то предпринять он уже не верил и смирился со своей участью – то, что никто не собирается его вызволить, было очевидно даже распоследнему глупцу. Внутренне Бородин уже готовился к смерти, моля Господа единственно об отмщении.

А Галымжан все больше жаловался на старшего брата, временами напоминавшего изверга. Бородин, у которого с детства развилось стойкое отвращение к унижению достоинства, стал порой прикрикивать на Ильшата, когда тот проходил мимо. Обычно акселерат отвечал оскорблениями, но внезапно, одним разом перестал. Несколько дней вел себя сдержанно, не докучая ни мужчине, ни подростку. Серафиму Серафимовичу даже показалось, что мальчишка подумал, наконец, над своим поведением. Впрочем, длилось это недолго. Близился вечер, когда Ильшат с сочувственно-виноватым видом подошел к Бородину и тихо сказал:

- Давай принесу твою книгу, все же мы люди.
- Ну, спасибо, Ильшат. Тогда будь любезен, принеси мне «Три разговора» Владимира Соловьева, – ответил мужчина любезно.

Ильшат ушел минут на сорок, и когда Бородин уже не надеялся его дожидаться, вернулся с томиком в руке, держа книгу как-то странно, кончиками двух пальцев. Как только Серафим Серафимович взял «Три разговора» в руки, то сразу испачкался в чем-то масляном.

- Ты что сделал? – холодно и грозно спросил Бородин.
- Это чтоб к Галымжану не лез со своими лживыми книгами! – крикнул подросток, ожесточившийся на весь мир, и чиркнул зажигалкой.

Тут же книга воспламенилась и хотя Бородин сразу ее откинул, огонь все же перекинулся на руки. От боли мужчина закричал, обматерив последними словами малолетнего негодяя, и принялся тушить руки о стену. Пламя погасло, но ладони, как прежде щиколотки, теперь тоже приросли к серому бетону.

– Ах ты, маленький неблагодарный ублюдок! – крикнул Бородин и выругался, едва сдерживая крики о помощи. – За что ты так? Кто тебя таким вырастил? Разве не я строил дом, в котором ты теперь живешь?

– Да если бы твоя воля, нас бы сюда никто не пустил! Мы сами взяли, что у нас теперь есть, – огрызнулся подросток и убежал, а у Серафима Серафимовича впервые за долгие годы к горлу подступили слезы.

С тех пор жизнь его окончательно превратилась в страдание. Когда у Бородина в стену вросли руки, Ильшат окончательно почувствовал себя хозяином в доме и уже не боялся подходить к беспомощному человеку. Однажды даже подпалил тому усы, за что, впрочем, был больно укушен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.